

ПОНЯТНУЮ ИДЕЮ — ВСЕМ МИРОМ!

«Народный проект» — это практическая реализация конкретной и понятной идеи «всем миром». Никакая, даже самая совершенная, административная машина, не может охватить всего и сразу. Не случайно министр А.А. Фурсенко при каждом удобном случае сетует на слабость «общественной составляющей» в нашем образовательном строительстве. «Народный проект» — это и есть одна из общественных составляющих. В её основе — энтузиазм и самоорганизация: хотим и делаем. Сверхзадача — постепенно перевести каждый «народный проект», который себя положительно зарекомендует, на рельсы государственной образовательной политики и включить его в ткань повседневной жизни школы.

Важнейший из проектов — восстановление в правах производственного труда как инструмента воспитания у детей и молодёжи трудолюбия. Необходимость в этом настолько очевидна, что не требует доказательств. В то же время мало кто связывает эту необходимость с функционалом школы. Совершенно очевидно, что без специальных усилий — научных и организационных — никто не станет создавать в школе инфраструктуру образцового труда. Как выяснилось, в России не сохранилось ни одного института или, на худой конец, лаборатории, где исследовались бы психологические и педагогические аспекты производственной деятельности детей. Педагогическое явление есть, а вот его адекватного научно-педагогического сопровождения нет. Возникновение и существование школьных учебно-производственных бригад, ферм, теплиц, швейных мастерских, мебельных, электротехнических и прочих производств, вполне рентабельных и успешных, обусловлено, как правило, экономической или профориентационной, но далеко не педагогической целесообразностью.

Только и остаётся действовать методом педагогической толоки...

Сегодня мы ставим перед собой задачу — превозмочь законодательные коллизии и стереотипы общественного мнения, в том числе педагогические, применительно к практике тех школ, где есть понимание, что и в постиндустриальном, информационном обществе трудолюбие остаётся важнейшей ценностью, прямо определяет качество человеческого капитала, а значит, и качество жизни. Это качество, как ни крути, имеет прямое отношение и к учителю. К сожалению, хорошо обученные, но ленивые и праздные молодые люди не могут быть эффективными в реальном секторе экономики. Эффективными настолько, чтобы завтра обеспечить сегодняшнему учителю достойную пенсию. Взвесим трезво потенциал наших выпускников именно как работников, производственников. Насколько эффективна в этом смысле «голая учёба» длительностью в десять-семнадцать лет? Каков процент детей, которых по окончании школы можно уверенно назвать успешными — социально ответственными, способными себя

прокормить? Что останется от этого процента, если мы вычтем из него тех, кто обязан своей трудоспособностью семье, спорту или системе дополнительного образования? Вот этот остаток и есть мера успешности школьного воспитания, из неё и следует прогнозировать размер нашей учительской пенсии.

Прямым результатом деятельности «школы голой учёбы», из воспитательного арсенала которой к началу XXI века производственный труд был изгнан и практически и теоретически, стала необратимая деградация трудовых ресурсов страны. Воспитать трудоспособного человека, не дав ему возможности сызмальства привыкать к трудовому усилию, получать удовольствие и испытывать гордость от плодов своего труда, видеть, как его труд вливается в труд всего коллектива, невозможно. Ни профобучение, ни профориентация, ни воспевание человека труда на уроках литературы не могут заменить собственно труд. Это очень простая, понятная с первого раза, но посторонняя нашей общей школе мысль. Поэтому и возник «Конкурс имени А.С. Макаренки» — подлинно народный проект, собирающий педагогический люд исключительно по признаку сходства профессиональных убеждений. После пяти лет работы в режиме народного проекта, после того, как проблема была подробно исследована и широко озвучена, и даже услышана, нам и всем школам-хозяйствам России, существующим «вопреки, а не благодаря», очень хотелось бы стать частью государственной образовательной политики.

Но, судя по документам, издаваемым Минобрнауки и Рособразованием, наши образовательные штабы по-прежнему делают ставку на вербальную профилизацию, теоретическую профориентацию и профессиональное обучение. На знаниевую составляющую, одним словом. То есть, остаются на тех самых методологических пози-

циях, которые и привели нас к кадровой деградации. Но при этом намерены умощнять прежний курс.

Чтобы увидеть разницу между психологическим содержанием учёбы и психологическим содержанием производственного труда, нет нужды проводить специальное исследование — обыватель легко её улавливает. И учитель её улавливает той частью ума, которую именуют здравым смыслом, но не приемлет в качестве руководства к педагогическому действию. Подавляющее большинство педагогического сообщества оставляет производственное воспитание исключительно на нужды исправления малолетних преступников. Администраторы образования «вышли в люди» из учительства, и они в полной мере несут общие стереотипы: «дело школы — учить», «учёба тоже труд» и т.п. Те же руководители, которые имеют за плечами образование и административный опыт в других отраслях, чаще всего несамостоятельны в вопросах педагогических. Но бросать камень в администраторов или в министра по этому поводу бессмысленно — даже в РАО днём с огнём не сыскать специалиста по психологии труда. Искали! Такой проблемы в тематике исследований отраслевой академии давным-давно нет.

Любой педагогический академик согласится с тем, что влияние производственного труда на становление воли, характера, чувства собственного достоинства и нравственности по мощности ни с чем несопоставимо. Что самые современные модернизации обучения связаны с наращиванием его продуктивной составляющей. Но специальных исследований как не было, так и нет! А это значит, что в школе по-прежнему не будет ни производственной инфраструктуры, ни производственного воспитания!

Есть непедагогическая причина, мешающая администраторам образования угадать здесь государственный интерес.

Слишком очевиден заказ на управляемое население. Мастерской человек смолоду не сидит сутками у телевизора и не жуёт информационную жвачку — не поддаётся манипулированию, относительно независим экономически, его выбор непредсказуем. Для переходных эпох, когда задача удержания власти особенно актуальна, такая политическая мотивация — дело обычное. Трудовая школа 1920-х была уничтожена в кратчайшие сроки именно по политическим причинам: «не для того мы делали революцию, чтобы наши дети работали...» — возглашали вожаки пролетариата. Но за этой грубоватой формулой скрывалась куда более тонкая политическая аранжировка, срежиссированная не вожаками, а вожжами, направленная на искоренение любой автономии — как личности, так и сообщества. Уничтожение самой эффективной части крестьянства, а раскулачивали у нас до начала шестидесятых, любых форм самоорганизации граждан — тому историческое свидетельство.

Современная школа стала заложницей похожей политической ситуации. Обретённая, казалось бы, школьная автономия обернулась её полным отсутствием. Хозяйственная самостоятельность — абсолютная фикция, любая самоорганизация — только в заданных рамках. Ярчайший пример — национальный проект, однозначно диктующий облик фаворитов, направление развития, а главное — финансовых потоков. Большого абсурда, чем прямое указание школе, что и где купить на средства президентского гранта, трудно себе представить. А чего стоят прямые намёки директору школы на то, что с ним будет трудно работать в дальнейшем, если на выборах не будет обеспечен должный процент правильной партии! В этих условиях трудовая школа в понимании Д. Дьюи и А. Макаренко, воспитывающая у детей чувство собственного достоинства,

не пройдёт, поскольку достоинство не в ходу у взрослых.

Можно обсуждать явные и мнимые причины того, почему из школы выдавливалось воспитание в его подлинном, выверенном веками, народном — «посредством дел, а не посредством болтовни» — виде, и замещалось воспитывающими суррогатами типа «творческих дел», «воспитательных моментов» на уроке химии или нравственных проповедей по мотивам литературных сюжетов. Ничего плохого во всех этих «тимуровских» и «учебно-воспитательных» сюжетах нет. Просто они неэффективны, и эта неэффективность хорошо видна. Вызывает недоумение упорство, с которым наша система образования воспроизводит фиктивную, в смысле воспитания, практику «воспитывающего обучения». В итоге — поголовная инфантилизация населения: «воспитываем, обучая» так, что до 40 лет отпрыск кормится с родительской пенсии.

Надо взглянуть на проблему ещё в одном контексте, пока непривычном, но уже знакомом нам по международным исследованиям типа TIMSS или PISA: в контексте глобальной международной конкуренции. Международная конкуренция — та же война, ведущаяся экономическими, технологическими, информационными, психологическими, знаниевыми средствами. В этой войне, к сожалению, не всё ясно с линией фронта и опознавательными знаками «свой — чужой». Как это ни прискорбно, но среди нас есть люди, живущие в «этой стране», не любящие ни страну, ни народ, достаточно откровенно ориентированные на слом государственности, на расчленение территории. Система образования вносит неоценимый вклад в реализацию задач, поставленных нашими глобальными конкурентами. Креативное обучение английскому на фоне откровенной нелюбви к уроку русского в возрасте до 10 лет, когда ещё не завершилось формирование структур

родного языка, делает русских детей потенциально более восприимчивыми к идеям переселиться в Канаду или Австралию. Это откровенная переидентификация населения, осуществляемая классическими методами информационной войны.

Мы долго и усердно уравнивали возможности сельских и городских детей, в итоге получили в селе городскую школу, которая выталкивает сельскую молодёжь из села, не давая ей специфических знаний и навыков, которые гарантировали бы высокое качество сельской жизни.

Приведу один очень убедительный пример. Есть такое устройство — гидроаккумулятор, который в сочетании с реле давления и водяным насосом при стоимости, не превышающей 2 тыс. рублей, даёт принципиально новое качество водоснабжения в сельском доме. Устройство очень интересное и эффективное, содержит в себе уйму дидактических возможностей для понимания принципов гидродинамики, действия электрических цепей, простейшей автоматики, решения задач. Для городского школьника, живущего в многоэтажном доме с централизованным водоснабжением, это устройство не обладает волшебной силой преобразования жизни, поэтому «городской» учебник физики вполне мог бы обойтись без него. Но почему это и подобные ему устройства не попали в «сельский» учебник? Именно потому, что городская школа рассматривалась на селе в качестве социального достижения, а сельский образ жизни — как ущербный по определению.

Итог закономерен! От выталкивания детей из деревни мы перешли к закрытию сельских школ в опустевших деревнях. Вот интересно: это мы своим умом придумали городскую школу в селе или нам подсказали?

Мировая практика как на ладони: естественный прирост населения возможен только за счёт сельских жите-

лей, а мы закрываем сельские школы, а с ними и деревни. Альтернативы «автотобусной» реструктуризации даже не рассматриваются, хотя и существуют. Какой смысл в демографических программах, если мы закрываем сёла?

Наша деревня, в особенности сиби́рская и дальневосточная, осуществляет особую миссию — удерживания территории. Недавно мы все были свидетелями того, как исконно сербская земля в кратчайшие сроки стала не-сербской. Этнополитика из недр геополитики явно выходит на первый план. Нам всеми силами надо не просто удерживать сельские школы на плаву, а интенсивно развивать их. О закрытии же просто не должно быть и речи! Ведь позакрывали не только те школы, где было 10–20 и менее учеников. Закрылись школы, в которых было 40–60 детей. Совершенно очевидно, что авторы и исполнители замысла реструктуризации сельских школ в упор не видят в них никакой другой функции, кроме образовательной. Ну не подозревать же государевых людей в стремлении сделать всё возможное для того, чтобы население России скукожилось до 30–40 миллионов, а сама Россия стала Москвией!

Альтернативы «автотобусной» реструктуризации были и есть.

Мы предлагаем обсудить их на страницах «Народного образования». В частности, в рамках «Народного проекта» можно рассмотреть сюжеты, связанные своим содержанием с реабилитацией производственного воспитания.

Вот один из таких «учебных случаев». Ликвидация школы не может быть бесплатной. Предположим, что помимо системных потерь, которые мы опустим, она обойдётся в 1 млн руб. на школу. Существуют ли технология и оборудование не дороже 1 млн руб., которые перерабатывают местное сырьё, имеющееся в изобилии, способны давать продукцию, в которой есть потребность, и зарабатывать на постоянной основе

для школы средства, позволяющие поднять уровень жизни учителей, ликвидировать дефицит школьного бюджета, технологически переоснаститься и обеспечить качество образовательной деятельности на уровне школ в районном центре?

Ответ, благодаря школам-победителям Конкурса им. А.С. Макаренко, очевиден. И без современного оборудования школы зарабатывают достаточно много. И оборудование такое существует. И системный эффект от такого решения обладает колоссальным потенциалом саморазвития. И школы, и коллективы, готовые пойти по этому пути, тоже есть! Чего нет? Нет госзаказа на продукцию школьного производства, нет специального «школьного» режима налогообложения и расходования внебюджетных средств.

Возможен ход, связанный с изменением организационной формы школы. Положим в основание школы не административный принцип, показавший в вопросе о малокомплектных школах свою несостоятельность, а самоорганизацию педагогического коллектива.

Ликвидация школы обойдётся, конечно же, дороже, чем 1 млн руб. Один только автобус стоит больше. Эксплуатационные расходы на перевозку детей составят в год не менее полумиллиона рублей (амортизация, ГСМ, ремонт, страховка, тёплая стоянка, фонд зарплаты на двух человек, налоги и социальные отчисления). Обучение в более крупной школе тоже не стало бесплатным. Правильно будет учесть все расходы, связанные с технической эксплуатацией зданий, и другие подобные траты. Посчитаем буквально всё, выйдет круглая сумма в год. Давайте хоть раз обнаружим такую сумму и спросим остающийся без работы коллектив: готовы ли учителя за эти деньги в год обеспечить качество обучения не ниже уровня

школы в райцентре? При этом передадим коллективу и здание школы, и земельный надел в 500 га, и комплект высокотехнологичного оборудования. Например, итальянский макаронный пресс с отечественными сушильными шкафами, плюс госзаказ на макароны¹.

Найдётся ли в России педагогический коллектив, готовый на таких условиях избежать реструктуризации, но при этом обеспечить образовательный результат, не уступающий ближайшей полнокомплектной школе? Уверен, найдётся! Но дадут ли ему возможность развернуться в таком направлении? Уверен, не дадут! Искать причину было бы очень по-русски. Но мы предлагаем искать героев, создающих подобные «точки роста» вопреки всеобщей привычке искать причины, объясняющие невозможность роста.

Отчего нашим реформаторам легче закрыть школу, чем за те же деньги создать механизм развития школы, решив законодательно проблему госзаказа и налогообложения? Ума не хватает? Не верю!

Есть три варианта.

Первый: всё-таки не хватает ума.

Второй: осуществляют тонко задуманную установку на поддержание школы и школьного сообщества в состоянии постоянной зависимости, а значит, управляемости в угоду временной политической конъюнктуры.

Третье: эти люди работают не на Россию. Их цель — выталкивать молодёжь из села, наиболее успешную молодёжь из России, оголить окончательно Сибирь и Дальний Восток и обеспечить стабильное снижение народонаселения до заданных параметров 30—50 млн. После этой черты русский суперэтнос, объединивший более ста народов, перестанет существовать в прежнем качестве и окончательно утратит контроль над собственной территорией.

1

Под «макаронным прессом и макаронами» мы подразумеваем любое оборудование, способное быть рентабельным на местном сырье. Пусть это будет линия по фасовке мёда, очистке воска, сушке лекарственных растений, отжиму рапсового масла.

В заключение несколько слов о других проектах.

Продолжается работа над прорывным улучшением качества чтения у младших школьников. В проекте более ста школ, из них десять имеют статус Федеральной экспериментальной площадки, на постоянной основе работают несколько сотен учителей начальных классов. С двумя районами заключены системные договоры.

Восемьдесят томов детской классики в пределах учебного времени и без домашних заданий как альтернатива четырём учебникам типа «Родная речь» за четыре года начальной школы не заинтересовали ни Минобрнауки, ни Рособразование, ни РАО. По всей видимости, пока не будут распределены и освоены все средства, предназначенные на поддержку и развитие русского языка и чтения, к нашему проекту у этих структур интереса не возникнет.

Проект остаётся исключительно народным.

В то же время административными методами на образовательный рынок активно продвигаются УМК с новыми, ещё более маркетабельными, в сравнении с брендами конца XX века, именами. Рядом со «Школой XXV века» или «Самой перспективной школой» нескромность «Самого развивающего обучения» уже перестала выглядеть вызывающей. В «новых» комплектах нет ни одного принципиально нового технологического решения, ни одного показателя обученности, выходящего за пределы результативности «старых», что подтвердит любая непредвзятая экспертиза. Впрочем, справедливости ради следует упомянуть, что эти «новые» комплекты и не содержат технологически организованную процессуальную часть. Все они твёрдо стоят на почве аналитико-синтетической методы в сочетании

с разными вариациями аналитической работы с текстом.

Встречаются попытки заимствовать технологический арсенал из наших разработок. Напоминаем коллегам: алгоритмы запатентованы, и охраняются не только авторским, но и патентным правом. Но мы заинтересованы в конструктивном сотрудничестве и готовы на определённых условиях предоставить разработанные нами алгоритмы для разработки УМК нового поколения по любым учебным дисциплинам. Речь идёт об алгоритмах, позволяющих результативность, как минимум, удвоить.

Складывается конструктивное партнёрство с Федеральным институтом развития образования (ФИРО), где создана лаборатория методологии проектирования технологий и содержания обучения. Задача лаборатории — разработка наиболее общих принципов и правил педагогического проектирования. Планируется вернуть на базе лаборатории сетевую экспериментальную площадку и целевую подготовку специалистов по педагогическому проектированию для регионов.

Проект по восстановлению в правах буквы Ё перешёл в русло официальной образовательной политики, о чём мы с гордостью сообщали в предыдущем выпуске. Будет уместно выразить здесь нашу «народную» признательность и благодарность министру А.А. Фурсенко, нашедшему время и сумевшему вникнуть в проблему. Будем надеяться, что отныне не будет учебников, где вместо Ё напечатано Е. Так, глядишь, дойдут министерские руки и до производственного воспитания, и до проблемы чтения младших школьников.

**Алексей Кушнир,
главный редактор**